

О российской философии на сломе эпох

ВОПРОСЫ

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1631>

ФИЛОСОФИИ

4 июля 2013

Собеседник

Лекторский Владислав Александрович

Ведущий

Труфанова Елена Олеговна

Дата записи

Беседа записана 4 июля 2013 и опубликована 16 ноября 2017.

Введение

В третьей беседе доктор философских наук академик Владислав Лекторский вспоминает о двадцати двух годах работы главным редактором журнала «Вопросы философии» и отдельно о том, как в 1989 году журнал стал публиковать ранее запрещенные труды российских философов начала XX века. Эти публикации стимулировали увеличение тиража журнала до 90 000 экземпляров и вал публикаций по истории русской религиозной философии и философского наследия в целом. Ученый описывает Институт философии в годы перестройки и размышляет о трансформации философской и, в частности, эпистемологической проблематики в России. Получив возможность переосмысления советского философского наследия, была предпринята колоссальная работа по изданию двух книжных серий: «Философия России первой половины XX века» и «Философия России второй половины XX века», повлиявших на умонастроения нескольких поколений русскоязычных читателей.

Журнал «Вопросы философии» во время перестройки и в постсоветские годы

Елена Олеговна Труфанова: Владислав Александрович, мы с вами остановились на том, как Вячеслав Семенович Стёпин стал директором Института философии. Я хотела бы спросить вот о чем: наступили как раз времена перемен в нашей стране в этот период, как вообще Институт философии пережил этот переходный период, развал Советского Союза, 90-е годы, такие тяжелые для всей нашей страны, культуры, науки и так далее?

Владислав Александрович Лекторский: Вячеслав Семенович Стёпин стал директором нашего института, если не ошибаюсь, в 1988 году, а за полгода до этого, в декабре 1987 года я стал главным редактором журнала «Вопросы философии». Тогда это было очень сложно, тогда это шло чуть ли не через Политбюро ЦК КПСС, во всяком случае, утверждалось где-то на высоком уровне. Я помню, что когда примерно в это же время я был по одному делу у Ивана Тимофеевича Фролова, который работал тогда помощником генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачёва, это было время перестройки, как вы помните, при мне ему звонил Горбачёв, и в разговоре Фролов сказал: «А Лекторского мы хотим взять редактором журнала “Вопросы философии”».

Е.Т.: То есть это как сейчас к Путину обратиться?

В.Л.: Да. Потом вице-президент Академии наук Федосеев привел меня на редколлегию журнала... В общем, это была сложная процедура, потому что журнал «Вопросы философии», конечно, научный, но одновременно и идеологическим считался. Хотя это был журнал Академии наук СССР, одновременно нас курировали идеологический отдел и отдел наук ЦК КПСС. А издавались мы в те годы в издательстве ЦК КПСС «Правда», и печатались в типографии «Правды». Такая связь с ЦК была довольно тесная, но была уже перестройка. Когда я начал работать главным редактором, я ожидал, что будут вызывать в ЦК, давать указания, головомойку устраивать, как это было до этого принято. И удивительно, меня за эти годы, пока еще существовал ЦК КПСС (до осени 1991 года), вызывали в ЦК всего два или три и в основном только для того, чтобы похвалить за то, что хороший журнал издаем. Никаких указаний. Кто-то в какой-то осторожной форме однажды пытался сказать, что неплохо было бы и такую-то вот проблематику освещать. Вот и всё, все разговоры на этом и прекратились. Поэтому ничего плохого о поведении ЦК в отношении журнала в эти годы не могу сказать. И в отношении тех кураторов из ЦК, которые были (некоторые живы и сейчас, какие-то позиции занимают), ничего плохого не могу сказать. Но это действительно была перестройка. Журнал мы сильно перестроили, уже тогда открыли новые темы.

Начиная с 1989 года, мы стали публиковать серию книг «Из истории отечественной философской мысли». Мы впервые стали снова перепечатывать книги наших великих отечественных философов конца XIX — XX века: Владимира Соловьева, Бердяева и других — то, что до этого было как бы под запретом.

Е.Т.: То есть русскую религиозную философию?

В.Л.: Да. Это было запрещено. Я помню, когда я учился в аспирантуре, а потом в Институте философии работал первые годы, то эти книги можно было только из спецотдела взять. Если вы хотите почитать Соловьева, Флоренского, то идите в спецхран...

Е.Т.: По специальному разрешению...

В.Л.: Да. Так что началась новая эпоха. Мы в журнале во время перестройки стали публиковать статьи по новой проблематике: по истории русской религиозной философии, по политической философии, какие-то темы острые обсуждать — и много можно называть таких тем. Круглые столы проводить по таким

сюжетам, которые до этого не обсуждались. Приведу один пример: где-то в 1989 году мы провели круглый стол, не помню сейчас точное название, но что-то типа «Культура. Религия. Общество» — какая-то такая общая тематика, связанная с взаимоотношением культуры и религии, общества и церкви. До этого это была запретная тема. Мы на этот круглый стол пригласили наших известных людей, философов, которые этим занимались, Льва Николаевича Митрохина, в частности, и ряд церковных деятелей интересных, богословов. Я помню, что участвовал в этом обсуждении профессор Осипов, известный профессор Духовной академии. И тогда мне посоветовали пригласить человека, тогда еще мало кому известного, только что переехавшего из Ленинграда в Москву, который начал заведовать отделом внешних церковных отношений, это был митрополит Кирилл, епископ Смоленский и Калининградский. Тогда его из широкой публики никто не знал. И вот мы там поговорили по проблематике круглого стола. Долго говорили, потом пошли обедать в Дом ученых, тогда это было недалеко от помещения нашей редакции. Я оказался вдвоем за одним столиком с Кириллом, мы целый час или больше с ним разговаривали. Я тогда его не знал и был удивлен тем, что это оказался очень образованный, культурный человек, с которым можно было говорить на любую тему, в том числе на любую светскую тему. У него было свое обоснованное суждение по всем темам, о которых мы говорили, он очень много знал. И вот тогда я понял, что это человек незаурядный.

Делегация Института философии АН СССР на конференции «Наука. Философия. Религия». 19 августа 1990. Автор фото Ю.А. Туманов. Источник фото: photo.jinr.ru

Мы стали публиковать такие тексты, которые до этого не публиковались. Скажем, текст Хайека, известного критика социализма: где-то в 90-м году мы этот текст опубликовали с нашими комментариями. Или, скажем, большой текст философа Ивана Ильина, текст называется «Монархия и республика». А Ильин — это монархист, хотя и умный человек. Но комментарий был нужен к этому тексту. Автором комментария, был тогда мне неизвестный человек (меня с ним тоже познакомили), который работал в ИНИОНе

(Институте научной информации по общественным наукам) заведующим отделом, по фамилии Пивоваров. Ныне он известный человек, академик Российской академии наук и директор этого ИНИОНа.

В общем, журнал стал новым, стал страшно популярным. Тираж его в три или четыре раза взлетел. Это были годы, когда у нас тираж журнала «Вопросы философии» доходил до 90 000 экземпляров в месяц.

Е.Т.: То есть сейчас тираж, по-моему, нереальный.

В.Л.: Тираж довольно большой был, в течение многих лет стабильно держался до 40 000. Но это связано было также с тем, что не только обычные читатели на журнал подписывались, а подписывались многие организации: дома политического просвещения, все кафедры общественных наук, кафедры философии. Конечно, подписка взлетела благодаря тому, что мы стали публиковать книжки из серии, о которой я рассказывал. Кстати, для того, чтобы эту серию начать осенью 1989 года, хотя была уже перестройка, понадобилось специальное решение Политбюро ЦК КПСС. А когда мы начали публиковать тексты русских религиозных философов в «Вопросах философии», остальные журналы тоже стали публиковать такие тексты, издательства стали публиковать книги старых русских философов. Мощный вал публикаций по истории русской религиозной философии, который тогда появился, до сих пор продолжается. Немного спал тот накал, который был тогда, тем не менее интерес к этой проблематике остается очень большим.

«Вопросы философии» играли тогда важную роль в нашей культурной и общественной жизни, были одним из тех мест, где делалась перестройка. Поскольку это был журнал не просто философский, а общекультурный, читать его стали те, кто раньше не читал философских текстов: писатели, деятели культуры. Я получал письма из США, например, от некоторых наших эмигрантов. Есть такой поэт Лев Лосев, он сейчас, наверное, еще жив*, друг Бродского. Он прислал письмо: «Я считаю, что «Вопросы философии» — это лучший журнал, который издается в СССР». Так что это был такой взлет журнала.

* Лев Владимирович Лосев умер в 2009 году.

Потом, конечно, когда Советский Союз исчез, возникли сразу проблемы, потому что из издательства «Правда» нас перевели в издательство «Наука». В «Правде» были какие-то льготы, и машина была, и с печатанием стало сложнее, исчезли деньги на издание серии, которую мы делали. Так что все стало сложным.

Е.Т.: Но журнал издавался или были какие-то перерывы, задержки?

В.Л.: Журнал издавался, но были задержки, как и во всех журналах, издаваемых академическим издательством «Наука». 92-й – 93-й годы были очень тяжелыми, когда по два-три месяца номера журнала не выходили. То бумаги не было, то еще чего-то. Зарплату иногда не платили по два-три месяца, хотя она и была маленькой, и сейчас она маленькой остается, кстати. Тем не менее мы журнал не могли бросить, нашли какие-то возможности эту серию все-таки продолжать. Раньше, в советские годы, издавали по пять, по шесть книг серии в год, а уже в это время, когда возможности финансовые были ограничены, мы издавали по две книги или по три самое большее. Но все равно издавали, и до сих пор это издание идет. Мы уже издали более пятидесяти книг из этой серии. Так что было сделано большое дело. В постсоветские годы было очень сложно.

Для меня, когда я пришел работать в журнал в декабре 1987 года, это было предложение, которое шло от Ивана Тимофеевича Фролова, который тогда работал помощником генерального секретаря ЦК Горбачёва, и который меня хорошо знал лично. Я сначала колебался, не был уверен, что нужно идти туда, потому что знал, что это означает, что нужно работать в журнале с утра до ночи. Если журнал издается ежемесячно, нужно все это читать, в том числе читать материал, который потом никуда не идет, надо организовывать круглые столы, придумывать тематику, находить авторов. В общем, работа

большая. Так и получилось. Я работал главным редактором журнала в течение двадцати двух лет: до декабря 2009 года. А потом сам попросил, чтобы меня освободили, потому что двадцать два года работать — слишком много.

Академик И.Т. Фролов. Источник фото: www.virtualistika.ru

Институт философии

Е.Т.: Вы ведь в это время были даже совместителем в Институте философии, если не ошибаюсь...

В.Л.: Основная работа была все-таки журнальная, но из Института философии я не уходил не только потому, что журнал связан с Институтом философии, все-таки главные поставщики материалов, текстов для журнала — это сотрудники Института философии. Поскольку Институт философии остается центральным местом, где делается философия в нашей стране, поэтому я считал важным такую связь сохранить. Но к тому же я всю жизнь работал в Институте философии, поступил в аспирантуру в 57-м году и работал всю жизнь вплоть до настоящего времени. Это мой родной дом, поэтому я оставался в институте и, более того, оставался заведующим сектором и даже исполняющим обязанности заведующего отделом. С какого-то времени, начиная с 1988 и по 1996 год, заведомом эпистемологии и логики был Владимир Александрович Смирнов, наш известный логик, а когда он умер, я стал заведовать этим отделом. Поэтому связь с институтом у меня всегда была.

В это время в институте начались большие перемены с связи приходом Стёпина в институт в качестве директора. Он пришел в годы перестройки, и все мы верили в перестройку, в то, что перестройка нужна, что нужно реформировать нашу страну, экономику и культуру.

Многое нас не устраивало в нашей тогдашней жизни. И мы верили в то, что перестройка будет успешной и достигнет тех целей, которые перед ней ставились. Поэтому мы жили перестройкой, были полны надежд, у нас было много новых планов.

У Стёпина было много новых идей. Он произвел реорганизацию института, появились новые отделы, некоторые отделы исчезли. Скажем, был такой отдел научного коммунизма, он прекратил свое существование, зато новые подразделения появились. В общем, в институте в это время тоже многое делалось, в том числе и на нашем секторе.

Мы издали несколько книг по интересной проблематике, которая, с одной стороны, продолжала то, что мы делали всегда, а с другой стороны, включала те вопросы, которые мы раньше либо вообще не поднимали, либо не могли так откровенно обсуждать. Это было важно, и книги эти не остались незамеченными. Я могу назвать хотя бы две такие книги: «Рациональность на перепутье» в двух томах. Один том готовили мы в нашем секторе, а второй том историко-философский, историко-научный готовили в секторе Пиамы Павловны Гайдено, в секторе по истории науки и философии. Эта книжка была интересной. Это была попытка обсуждать проблему рациональности в широком плане, начиная с чисто эпистемологических тем, и кончая обсуждением рациональности как культурной ценности, социальной рациональности, тем свободы и рациональности и так далее. Каждый текст критически обсуждали, и это обсуждение записывали, а потом публиковали в книжке вместе с самими текстами. Эта книжка была хорошо встречена.

Вторая книжка, которую я могу назвать, тоже выпущена в 90-е годы, называлась «Идеал, утопия и критическая рефлексия». Мы попытались проблематику, связанную с тем, что такое идеал, утопия, проект, проектирование — тематику эпистемологическую и культурологическую — обсудить. Это тоже была хорошая книжка. Иными словами, был некоторый поворот в нашей проблематике секторской: не просто академические проблемы эпистемологии обсуждать, а проблемы, связанные с взаимодействием эпистемологии с другими сферами культуры, в том числе с политической философией, с другими сферами. Я написал статью о Поппере, в которой я обсуждал идеи Поппера относительно рациональности: «закрытая» рациональность, «открытая» рациональность, рациональность «сверху», рациональность «снизу». Для Поппера характерно то, что его социальная философия, или если угодно, его политическая философия и эпистемологическая концепция взаимосвязаны. Это не то что разные области — здесь одно, здесь другое — у них общий корень есть. И можно показать, что попперовское понимание рациональности связано с его социальной позицией. Я как раз в этой статье пытался это показать. Это просто пример того, как мы в те годы пытались выходить на более широкий контекст наших проблем. Учитывая, что и перестройка была, потом произошло крушение Советского Союза, возникла новая ситуация, и мы хотели показать, что проблемы эпистемологии имеют не только академический характер, но входят в тематику, представляющую интерес для широкой публики.

Ситуация в философии после распада Советского Союза

Конечно, когда произошло крушение Советского Союза, ситуация в философии изменилась очень сильно. С одной стороны, появилась открытость, можно было критически обсуждать те темы, которые раньше не обсуждались. Скажем, теория познания была областью более академической, более отдаленной от социальной философии, где цензурные ограничения были очень сильны, но все равно какими бы теоретико-познавательными сюжетами мы не занимались, мы обязаны были исходить из теории отражения.

Если вдруг в какой-то из канонических марксистских идей вы усомнились, например, сказали, что отражения нет, вас не только не печатали, но могли выгнать из института. Сейчас стало можно это все делать.

В 90-е годы появилась довольно широкая публика, которая говорила, что теория отражения — это ерунда, материализм — это ерунда. И я в эти годы писал статьи, в которых пытался показывать, что и теория отражения не ерунда, как ее понимать по-разному можно, и материализм не ерунда. В это время, в частности, в связи с изданием книг русских религиозных философов, стала популярной среди некоторых наших философов идея о том, что материализм — плохо, идеализм — это хорошо. Или религия лучше, чем наука, и так далее.

Е.Т.: Да, в 90-е годы Маркс — это главный враг.

В.Л.: Да, такая мода была тогда. И я в ряде своих публикаций пытался показать, что и у Маркса много разумных вещей, хотя и много ошибок тоже, особенно в социально-политической сфере. Но есть у него и философские идеи, которые не устарели. И материализм — это не так уж плохо, учитывая, что 90% американских философов, к марксизму никакого отношения не имеющих, материалисты. Идеалист в США вообще, как белая ворона, выглядит. Раньше, может быть, идеалистов там было немало, сейчас их почти не осталось. И реализм — это не так уж плохо. Реалистов среди философов США где-то половина. Оказывается, что можно быть материалистом по американским понятиям, не будучи при этом реалистом. Один из таких примеров — Ричард Рорти, который, конечно, не реалист. Он близок постмодернизму. Но когда обсуждается mind-body problem (психофизическая проблема), он материалист заядлый. Значит, все не так просто. Конечно, это такая излюбленная русская традиция: из одной крайности переходить в другую. Называется: «я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал». В том, что я писал, я пытался показать, что все не так просто обстоит и что нужно бережнее относиться к нашим собственным традициям, потому что у нас были интереснейшие традиции в философии, были интереснейшие философы. Об этом я стал писать. Потом эти идеи я публиковал в «Вопросах философии», публиковал в наших книжках секторских. Потом я собрал эти статьи, что-то дописал и издал книжку «Эпистемология классическая и неклассическая», которая вышла первым изданием в 2002 году (потом было еще два издания) как результат моих размышлений в 90-е годы. Я пытался эти вещи там обсуждать. Конечно, большую роль также сыграла в эти же годы подготовка в институте издания «Новой философской энциклопедии».

Е.Т.: Как раз она тоже в 2000 году, по-моему, вышла.

В.Л.: Да, она в 2000 году вышла. Потому что когда готовится энциклопедия, это значит, что нужно высказаться по всем философским вопросам, так как статьи должны быть по всем темам. А это же большое издание, четыре больших тома, по-моему. 2000 год — как раз прошло десять лет после развала Советского Союза, появилась возможность еще раз критически пересмотреть все, что сделано, и высказаться по всем темам с учетом современной точки зрения, одновременно зная то, что делалось в нашей философии, что делалось за рубежом в философии Запада и Востока. И вот такое издание подготовили. Я тоже принимал в этом активное участие, написал несколько десятков статей. В частности, я помню в этой связи такой сюжет. Мне приносят статью одного автора, не буду называть его имени, называется статья: «Отражение». И там смысл такой, что отражение — это какое-то зловерное понятие.

Е.Т.: Ошибочное...

В.Л.: Ошибочное. Никакого отражения на самом деле нет. Мне сказали, что редколлегия издания не может публиковать такую статью, и дали мне написать мою статью на эту тему. Я написал, что отражение может по-разному пониматься, иногда оно понимается вульгарно, но в самой идее есть определенный здравый смысл. Во всяком случае, если вы реалист в эпистемологии, в какой-то форме принять идею отражения

вы должны.

Это издание получило государственную премию. Кстати, в скобочках замечу, что в конце мая месяца 2013 года было общее собрание Российской академии наук, с отчетным докладом выступил Осипов Юрий Сергеевич, который в течение двадцати двух лет был президентом Академии наук. Он сложил с себя эти полномочия. И он рассказывал о достижениях Академии наук за последние семь или восемь лет. И какие же достижения были доложены? В отделении общественных наук Осипов назвал пять работ всего. Сейчас скажу какие: «Новая философская энциклопедия», «Философия России 2-й половины XX века» (наше издание, которое я организовал и был его главным редактором, скажу об этом еще позже), «Энциклопедия индийской философии», «Энциклопедия античной философии» (обе эти энциклопедии тоже подготовлены в нашем институте) и «Энциклопедия по социологии» и всё*. Из работ социологов названа одна работа, а все остальные работы философские. В том числе, одна работа, которую я делал, вторая работа, которую («Новая философская энциклопедия») готовили Гусейнов со Стёпиным, где я тоже участвовал. Значит, при всех трудностях дела шли и шли неплохо. Я о них уже рассказывал, что денег не платили, что журнал шел с перебоями, менялись директора издательства «Наука». Потом, когда директором издательства «Наука» стал Владимир Иванович Васильев, все стало налаживаться.

* Правильные названия упомянутых изданий: «Индийская философия: энциклопедия»; «Античная философия: Энциклопедический словарь»; «Социологический словарь».

Академик Ю.С. Осипов на Общем собрании РАН. Москва, 28 мая – 1 июня 2013. Источник фото: www.strf.ru

Е.Т.: В институте тоже, насколько я знаю, задерживали зарплаты...

В.Л.: Задерживали зарплату, нужно было платить коммунальные платежи, а Академия наук денег не давала. Поэтому нам приходилось сдавать часть помещений в аренду. И сейчас стало известно, что академические помещения сдаются в аренду, и спрашивают: «Какое вы право имеете?» А почему не спрашивают о том, как могли академические институты платить за коммунальные услуги, если им не давали для этого денег? «Почему в науке мало молодых ученых?» — спрашивают сегодня критики Академии наук? А как молодежь могла идти в науку, когда там гроши платили? Конечно, многие молодые способные люди шли в бизнес, либо за границу уезжали. Говорят о том, что академию надо омолаживать, она постарела. Это верно. Но ведь ее состарили искусственно, специально, сознательно душили, а потом заявляют: «Она же полупридушенная, смотрите. Зачем нам такая академия? Давайте ее реформировать».

Молодцы ребята. То есть это сделали определенные люди, сделали сознательно. 1990-е годы были сложные. В 2000-е стало получше, платить стали немного побольше, и институт, я считаю, заработал в полную мощность. И сейчас наш институт издает сто двадцать или сто сорок книг ежегодно.

Е.Т.: И больше тысячи статей, по-моему.

В.Л.: И больше тысячи статей. Даже, может быть, слишком много, потому что прочитать это невозможно. Если вы попытаетесь читать все, что издает Институт философии, то вы должны все бросить, только читать, и ничего больше не делать.

Е.Т. (*смеясь*): «Чукча не читатель, чукча — писатель».

Современная эпистемологическая проблематика

В.Л.: Да, эта проблема есть. Читать или писать? Надо и читать, и писать. А это нелегко. И вот я вам рассказал немного о внешней ситуации, рассказал о своей работе в журнале, которая для меня в те годы стала очень важной. Одновременно вышла моя книжка «Эпистемология классическая и неклассическая», которую издал «URSS», они издали потом тремя изданиями ее. Недавно я сейчас подготовил еще одну книжку, она результат моих публикаций за последние десять лет, называется «Философия, познание, культура».

Мы в последние годы пытались проанализировать общую ситуацию в современной эпистемологии, учитывая то, что в нашей стране было сделано, и то, что в мире делается. Издали несколько книг по этой тематике: одна называлась «Эпистемология: новые горизонты», еще одна большая книжка недавно вышла «Эпистемология: перспективы развития», издали также интересную книгу «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке», ещё ряд книг. И в связи с этим я написал довольно большой текст «Трансформации современной эпистемологии», где я пытался проанализировать современную эпистемологическую проблематику, особенно в связи с тем, что, как мне кажется, в эпистемологии сегодня многое меняется. С одной стороны, классические проблемы остаются, никуда они не исчезают.

” **Мое мнение состоит в том, что специфика философии в отличие от специальных наук в том, что в каком-то смысле на протяжении двух тысяч лет философы обсуждают одни и те же проблемы.**

Наука обсуждает сначала одни проблемы, потом другие, меняются научные картины мира, ученые переходят к новым проблемам, а философские проблемы, такие как, что такое знание, знание и мнение, способы обоснования знания, что такое истина, что такое сознание, что такое человек, добро, красота и так далее — эти общие проблемы остаются одними и теми же на протяжении всей истории философии. Одни и те же. Но это с одной стороны. А с другой стороны, каждый раз, в каждую эпоху, в каждом специфическом типе культуры, в связи с развитием науки, когда, в самом деле, создается новая познавательная ситуация, эти общие проблемы как общая рамка наполняются новым конкретным содержанием, получают более конкретную формулировку. Поэтому обсуждение этих проблем каждый раз бывает новым, как новыми являются и сами способы постановки проблем, и способы их обсуждения. Например, могу привести такой сюжет. Есть такая общая рамка, связанная с пониманием того, что такое душа человеческая, но одно дело понимание души у Аристотеля (растительная душа, животная душа и разумная душа), другое дело как эта душа стала пониматься, начиная с Декарта, когда в центр Декарт поставил проблему Я, которая в таком виде не обсуждалась ни в античной философии, ни в средневековой. А Я — это специфическая вещь, это так называемая перспектива первого лица, это существование некоторых безошибочных суждений. И вот современное обсуждение той же темы, связанной, в частности с тем, о чем и вы пишете, дискурсивные, нарративные практики, с идеями социального конструктивизма, — это та же проблема, но не только ответы несколько иные, но и

сам способ обсуждения уже иной. Таких примеров можно привести очень много.

То же самое с проблемой знания, о которой еще Платон писал. Она с повестки дня не исчезла, но сейчас она понимается более дробно, дифференцировано, какие-то новые нюансы вносятся вплоть до того, что то, что Платон и философы, которые вслед за ним об этом писали на протяжении многих сотен лет считали несомненным, тоже сегодня ставится под сомнение. Скажем, у Платона знание — это мнение, которое истинное и которое обосновано. Но вот один американский философ привел пример, когда высказываются некоторые мнения, которые вроде бы истинны, и вроде бы обоснованы, но знанием не являются. Сейчас не буду в детали вдаваться. В общем, можно об это много говорить.

” И одна из специфических особенностей в обсуждении современной теоретико-познавательной проблематики состоит в том, что если до недавних пор казалось, что проблематика теории познания, теории сознания — это специфические философские епархии, то теперь стало ясно, что это не так.

А в конце XIX века — начале XX многие философы считали, что все, что касается метафизики, ушло в специальные научные дисциплины. И психология тоже превратилась в специальную науку. А вот теория познания и глубинное понимание сознания осталось за философией. Это то, что никто не может у нее отнять, так считали многие авторы в это время. А теперь мы наблюдаем такую ситуацию, когда познанием занимается куча всяких дисциплин, их называют когнитивными науками. Это когнитивная психология, когнитивная нейрофизиология, когнитивная лингвистика, исследования искусственного интеллекта, науковедение, когнитивная антропология, социальный анализ познания, социальный анализ науки, история науки — много их. Это факт современной жизни. Это когнитивная наука, которая пытается вобрать в себя много специальных когнитивных дисциплин, а специалисты в этой области предлагают модели познания сознательного, бессознательного и так далее. То есть представители этих специальных наук ставят общие философские проблемы и пытаются их решать, и обращаются при этом к философии. И как это не удивительно, те философские сюжеты, которые казались даже самим философам очень академическими и далекими от реальной жизни, начинают вдруг воспроизводиться уже представителями специальных дисциплин, казалось бы, далекими от философии. В качестве примера приведу проблему реальности существования, которой философы занимались сотни лет. Сейчас она снова обсуждается в связи с анализом статуса ментальных репрезентаций и проблемы солипсизма. Среди философов-то мало кто решался себя солипсистом объявить. Сейчас в когнитивной науке один из подходов назван таким известным теоретиком когнитивной науки, как Джерри Фодор, методологическим солипсизмом.

Е.Т.: Проблема врожденных идей...

В.Л.: Да, проблема врожденных идей. Сейчас это тоже очень активно обсуждаемая тематика. В частности, в связи с работами классика когнитивной лингвистики Хомского и того же Фодора. Философия должна считаться с тем, что сделано в специальных когнитивных дисциплинах, и дать свой ответ. Это, если угодно, вызов современной философии и теории познания. И я пытался показать это, писал об этом, и буду еще писать о том, можно ли эпистемологии взаимодействовать с когнитивными дисциплинами.

То же самое с теорией сознания. Сейчас эта проблематика как бы отделилась: философия сознания, philosophy of mind или philosophy of consciousness стала самостоятельной. Это уже отдельная область философских обсуждений, а там то же самое, там масса дисциплин, которые предлагают свои модели сознания. Скажем, американский биолог Эдельман предлагает свою теорию сознания. Другие люди. Роджер Пенроуз приезжал недавно сюда. Это известный физик, он квантовой механикой занимается. У него своя теория сознания.

Е.Т.: Да, квантовая теория сознания.

В.Л.: А вот наш Михаил Менский, физик. Он тоже считает, что может нам, философам, мозги прояснить

и рассказать что такое сознание. То есть вот эти люди, которые раньше были далеки от философии, сейчас в эту область ринулись. Мы с этими людьми активно взаимодействуем, в частности, я занимаюсь этим в рамках семинара по методологии искусственного интеллекта. Семинар работает уже пятнадцать лет при научном совете по методологии искусственного интеллекта Отделения общественных наук РАН. Я руковожу этим семинаром вместе с Давидом Израилевичем Дубровским. Мы регулярно собираемся, обсуждаем доклады разных людей, а кого там только нет среди участников семинара! Там бывает очень интересно. Потом есть Центр когнитивных исследований, который года четыре тому назад создали в РГГУ. И я тоже член этого центра, я там выступал раза три с докладами. Последний раз выступал совсем недавно, в апреле этого года. И там тоже бывает довольно интересно. А участвуют в работе центра и лингвисты, и психологи, и представители некоторых других дисциплин.

Я написал большую статью по очень важной теме, связанной с современной ситуацией в эпистемологии, по конкретному сюжету, которую я назвал «Реализм, конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии и науках о человеке». Я словосочетание «конструктивный реализм» активно использую. Его придумали некоторые другие люди, но я свой смысл вложил, который называется позицией конструктивного реализма в эпистемологии. И эти идеи я обсуждал, выступал, доклады делал на нескольких Всемирных конгрессах философских (в Стамбуле, в Сеуле), на Российском философском конгрессе в Новосибирске.

Второй круг проблем, которыми я занимался последние десять лет и о которых тоже хочу сказать — это проблемы человека. Каждый год после смерти Ивана Тимофеевича Фролова проводятся философские чтения его памяти, меня туда приглашают, я доклады делаю. Проблема человека, постчеловека, возможно ли постчеловеческое будущее, современные технологии и судьба человека — это целый ряд сюжетов, о которых я думал и писал, и размышления, о которых я докладывал. Мои размышления на эту тему тоже вошли в книгу «Философия, познание, культура». В книге есть специальный раздел, который называется «Человек и культура. Современные вызовы». Там много всяких сюжетов обсуждается, начиная с того, ожидает ли нас постчеловеческое будущее. Недавно американец, живущий в Англии, делал в институте доклад на эту тему. Я так и не понял его позицию. Он начал с того, что «да», кончил тем, что вроде «нет»...

Философское наследие советской эпохи

Наконец, третий круг вопросов, которым я занимался в эти годы, особенно, когда я ушел из журнала, и у меня появилось немного больше времени. Это связано с отношением к нашему философскому наследию, к нашей философии советского периода. Дело в том, что в 91-м году, когда рухнул Советский Союз, в разных изданиях появились публикации, примерно такого рода: «Вот теперь Советский Союз исчез, официальной идеологией которого был марксизм-ленинизм. Философия, которая тогда преподавалась, была марксистско-ленинская философия, поэтому здравого ничего в этой философии не было и быть не могло. И теперь, когда мы избавились от ига и диктата КПСС, мы должны также избавиться от марксистско-ленинской философии и, может быть, вообще от философии». Некоторые умные головы (это было в газетах) предлагали заменить преподавание философии преподаванием культурологии, а другие предлагали даже заменить философию теологией — для них это одно и то же.

Что касается отношения к советской философии, то недавно многие утверждали, что ничего вообще там не было, надо все это просто выкинуть. Некоторые люди, в том числе и философы, не буду сейчас называть их фамилии, печатали такого рода тексты: философия в России существовала до 1921 года, в основном в виде русской религиозной философии, а когда этих философов в 1921 году погрузили на пароход, на так называемый «философский пароход», и из страны выслали, то всякая философия прекратила свое существование, ничего философского в нашей стране после этого не было, поэтому нужно начинать философствовать с нуля. А потом люди, которые это мнение высказывали, разделялись на две группы. Одна считала, что для того, чтобы возродить философию на отечественной почве, надо обратиться к наследию именно русской религиозной философии, к тому, что философией серебряного века было сделано. А другие говорили: «Нет, время уже упущено. Повторить то, что было в русской

философии до революции, невозможно. Надо переводить западных философов, особенно постмодернистов. Они нам укажут путь в светлое будущее». Вот такая была ситуация.

Я считал своим долгом, поскольку я работал в советские годы и знал целый ряд философов, которые были выдающимися людьми, как-то этому противостоять. И решил для этого что-то сделать. Сначала в 98-м году вышли две книжки под моей редакцией, которые назывались «Философия продолжается»*. Первый том посвящен отечественной философии в 20-е — 50-е годы XX века. То есть уже после революции. А второй том — это отечественная философия советского периода в 60-е — 80-е годы. Там собраны статьи о философах, не просто их тексты, а анализ их идей. И там таких выдающихся философов, которым посвящены статьи, было много. В 20-е — 30-е годы, особенно в 20-е, у нас работали и Богданов, и Лосев, и Флоренский, и Шпет, и многие другие.

* Лекторский В.А. (ред.) Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: 6-х кн. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1998.

Е.Т.: Пароход уплыл, а философия осталась.

В.Л.: Лосев пять книг издал в 20-е годы. Шпет основные работы издал в 20-е годы, Богданов написал много всяких текстов в 20-е годы. Я уже не говорю о Бахтине, который в это время и появился. И как раз его работы, сделавшие эпоху, о поэтике Достоевского, например, были в это время опубликованы. Выготский, который был психологом, но работы, которые он опубликовывал в 20-е — 30-е годы, были с философской подоплекой. И самое удивительное состоит в том, что когда наши западные коллеги, западные философы и психологи пытаются что-то найти интересное, ценное в российской культуре и в русской философии, то ссылаются на кого? На Бахтина, на Выготского, на Шпета, на Лосева, на Богданова. Конференции международные специально устраиваются по Богданову. Что касается Бахтина, то специальный центр в Манчестере существует — «Центр Бахтина», где специально философию Бахтина изучают. Выготский вообще был признан классиком психологии XX столетия западными учеными. Поэтому как же сказать, что этого ничего не было? Уплыла наша философия на корабле? Ничего подобного. В каком-то смысле для меня 20-е годы — это всплеск философских идей. В 30-е годы, конечно, было все иначе: интересные идеи всячески искоренялись, Бахтина выслали, Флоренского расстреляли, Лосева отправили в ссылку и запретили заниматься философией. Пошел вал репрессий. Но 60-е годы — это возрождение философской мысли. В нашей стране появились интереснейшие люди с интереснейшими идеями. Это Ильенков, и Зиновьев прежде всего. Лосев воспрял духом, стал печатать много книг, Бахтин обрел новое рождение. Дело в том, что когда Бахтин писал свои первые работы в 20-е годы, его мало кто тогда понял и обратил внимание, а в 60-е годы его переиздали, плюс он еще сам был жив и писал, печатался. Он стал кумиром нашей интеллигенции.

Е.Т.: Потом его перевели.

В.Л.: Перевели. Однажды известный итальянский культуролог и историк русской философии Витторио Страда мне рассказывал, как Бахтина на Западе открыли. Страда был студентом философского факультета в 50-х годах и прочитал случайно в библиотеке книжку Бахтина 1929 года «Поэтика Достоевского», и был потрясен. Он поехал к Бахтину, узнав, что Бахтин жив, преподает в городе Саранске. Страда его нашел, предложил Бахтину книжку его о Достоевском перевести на итальянский язык и издать там. А Бахтин сказал: «Перевести-то можно, но зачем издавать книгу 29-го года? Я дополнение сделаю». И вот он тогда сделал дополнение к этой книжке. Вышел перевод его книги по-итальянски, а затем вышла и русская версия этого нового издания. Потом к Бахтину стали ездить наши филологи у нас. А на Западе просто бум Бахтина начался.

В это же время и Ильенков, и Зиновьев, и Лосев тоже стали печататься. Мамардашвили, Библер, Батищев, много других интереснейших философов появилось. Появились философские школы, между ними полемика была. И масса идей, которые, с моей точки зрения, никуда не исчезли. Их можно переосмыслить и сегодня, они имеют прямое отношение к тому, что сейчас обсуждается в мировой философии, в частности, в эпистемологии, в философии культуры, в философии сознания. Все эти вещи весьма актуальны. И поэтому у нас в институте было решение выпустить серию книг «Философия России 2-й

половины XX века». Мы создали редсовет во главе с академиком Стёпиным, а я стал главным редактором всей этой серии, поэтому я тоже года два убил на это дело, тоже много времени потратил. Я считаю, что результат стоил этих усилий, потому что это издано, это получило известность. В 2010 году эта серия получила премию Российской книжной ассоциации как лучшее гуманитарное издание года. И за рубежом ряд специалистов по российской философии высоко оценили это издание.

” Это стоило делать, и не просто для того, чтобы отдать дань памяти этим людям, которые и в самом деле много сделали, но и для того, чтобы нам как-то определиться с путями нашей собственной философии. Важно, конечно, изучать то, что делается на Западе (без этого просто двигаться нельзя дальше), но мы должны как-то и собственные традиции знать, чтобы опираться на них, знать, что мы не просто на пустом месте существуем, а что это место чем-то заполнено, и заполнено чем-то интересным.

В этой связи я упомяну и международную конференцию, которую мы собрали в сентябре 2012 года, посвященную проблематике философии России 2-й половины XX века. Конференция называлась «Проблемы и дискуссии в философии России 2-й половины XX века: современный взгляд». Она интересно прошла. На основе этой конференции мы с подготовили книгу, которая вышла и встретила положительный прием.

Упомяну еще вот о чем. В 2010 году в Финляндии прошла международная конференция по интересной проблематике, которую организовал профессор Хельсинского университета Веса Ойттинен. В этом университете есть центр по изучению русской культуры, русской философии, в том числе и философии советского периода. Профессор Ойттинен возглавляет философскую часть этого центра, и он собрал конференцию под названием «Проблема деятельности в советской философии в 60-е — 80-е годы XX века». Эта конференция шла в течение двух дней. Были участники из разных стран мира, в том числе и из России. Я участвовал. На основе материалов конференции подготовили книгу на английском языке, она должна выйти в Голландии. То есть интерес к отечественной философии 2-й половины XX века появился, и он растёт.

Е.Т.: Насколько я знаю, сейчас готовится серия «Философия России 1-й половины XX века».

В.Л.: Да. Георгий Петрович Щедровицкий очень много сделал для того, чтобы эта серия, которую я редактировал, была возможной. Он спонсировал ее издание. Он высказал такую идею: «Вот мы выпустили двадцать одну книгу «Философия России 2-й половины XX века», а давайте дополним эту серию, выпустив еще одну серию «Философия России 1-й половины XX века». И тогда во второй серии будет около пятидесяти томов, и в первой серии есть уже двадцать один том (с учётом книги о проблемах и дискуссиях в философии России 2-й половины XX века будет двадцать два тома). То есть всего более семидесяти томов. Обе серии дадут анализ идей в философии России на протяжении всего XX века». И он предложил мне быть главным редактором новой планируемой серии.

Е.Т.: Это почти Большая советская энциклопедия...

В.Л.: Я убил много времени на первую серию про 2-ю половину XX века и сказал, что 1-ю половину этого века я уже не потяну. Я готов участвовать как редактор отдельных томов и как автор, но не как главный редактор этой новой серии. Я предложил в качестве главного редактора новой серии Бориса Исаевича Пружинина, который в течение многих лет был моим заместителем, когда я был главным редактором «Вопросов философии», а потом, после моего ухода с поста главного редактора, стал главным редактором журнала «Вопросы философии». Он согласился, и сейчас ведется большая работа над новой серией. Уже издано более десятка томов. В общем это грандиозный замысел. Я знаю, что Борис Исаевич регулярно устраивает презентации этой серии не только в нашей стране, но и в других странах.

Например, в Праге, в Париже, в Санкт-Петербурге, в Абхазии и других местах. Кому-то эта работа кажется чисто исторической. На самом деле это не просто историческая работа, а это попытка осмыслить наше прошлое и наше наследство с точки зрения современности, и в каком-то смысле самих себя. Это способ определиться, где мы есть, что мы есть, что мы можем делать, что мы делать не можем, куда нам двигаться. Это, конечно, не заменяет творческой работы в философии, и не заменяет необходимости философского анализа современных событий в культуре и науке. Для того чтобы сегодня успешно работать в философии, нужно знать, что делается ныне в западной философии, а там много интересных идей. Тем не менее исследование идей русской философии XX века — это необходимое условие развития оригинальных идей в отечественной философии.

Что касается разработок в области когнитивной науки, которыми я интересуюсь, то могу сказать, что когнитивная наука, которая существует более тридцати лет прошла ряд этапов своей эволюции. Если брать самый последний этап и самые последние идеи и подходы, то ряд представителей когнитивной науки пришли к выводу: когнитивная наука до недавних пор не по тому пути шла, надо в ней кое-что переосмыслить, пересмотреть. Для того чтобы это переосмысление было плодотворным, нужно обратиться, по мнению ряда современных теоретиков когнитивной науки, к опыту советской психологической школы: теории деятельности и культурно-исторической психологии. То есть обратиться к идеям Выготского, Лурии, Леонтьева, других наших психологов. А эти отечественные психологии были тесно связаны с рядом наших философов, которые разрабатывали деятельностный подход и культурно-историческое понимание познания в философском плане: Ильенков, Батищев, Щедровицкий, Стёпин, Швырёв, Розов. И я об этом писал немало. Бахтин сегодня просто культовая фигура в западной философии, теории культуры, психологии. Поэтому я считаю, что современное осмысление нашего философского прошлого имеет прямое отношение и к пониманию тех проблем, которыми я специально занимаюсь. Часть моей последней книги «Философия. Познание. Культура», которую я назвал «Актуальное прошлое», посвящена этим сюжетам. И там есть тексты о Рубинштейне, о Шпете, об Ильенкове, о Щедровицком, о проблематике деятельности в нашей философии 2-й половины XX века.

О своей международной деятельности

А теперь я расскажу вам кое-что о моей международной деятельности в 90-е годы прошлого века и в начале века нынешнего. Я начал работать в эти годы в разных международных организациях. С этим были связаны некоторые интересные эпизоды. Расскажу об одном из них. В 88-м году, летом, я был избран членом совета директоров Международной федерации философских обществ. Это всемирная философская организация, которая объединяет философские общества разных стран мира. Я был членом совета директоров этой федерации, а в течение пяти лет с 93-го по 98-й годы даже был вице-президентом этой федерации. Там много интересного было. Во-первых, мы каждый год встречались. Обсуждали какие-то организационные проблемы, проводили конференции. Федерация готовит Всемирные философские конгрессы, которые проходят в разных странах каждые пять лет. Там тоже было много любопытного. Особая глава в этой части моей жизни связана с подготовкой Всемирного философского конгресса 1993 года в Москве. Да, это была особенно сложная ситуация. Дело в том, что когда в 1988 году был Всемирный философский конгресс в Брайтоне, в Великобритании, там выступил Иван Тимофеевич Фролов, который тогда был помощником генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва, и объявил о том, что Москва готова принять участников следующего Всемирного философского конгресса, и все это с аплодисментами было встречено.

Е.Т.: Да, перестройка уже...

В.Л.: Да, перестройка шла в эти годы и была популярна во всём мире.

«Горби, Горби» — популярные восклицания тогда в разных странах мира. Я помню, мы шли вдвоем с кем-то по Брайтону вечером поздно, навстречу какие-то подвыпившие англичане подошли к нам и спросили: «Вы откуда?» Мы сказали: «Из Москвы». Они стали вопить: «Горби! Горби!». Чуть ли не на руках хотели нас носить.

Да, предложение Фролова с энтузиазмом было встречено в 1988 году. А потом наступил 1991 год, в конце которого Советский Союз исчез. Конгресс должен пройти в августе 1993 года, а новая власть отказалась поддерживать конгресс.

Е.Т.: Не до того было.

В.Л.: Не до того было, и вообще не до философии было. Делили власть, начали расхищать собственность. И тогда возникло у многих членов совета директоров Международной философской федерации мнение, что конгресс вообще вряд ли пройдет в России без поддержки со стороны руководства страны. Это сложная была ситуация. Иван Тимофеевич ездил в разные страны, говорил с разными людьми. И вот август 92-го года, заседание совета директоров Всемирной философской федерации должно было произойти в Сеуле, в Южной Корее, я туда должен был лететь, и там окончательно должно было решиться, быть конгрессу в Москве или не быть. Фролов настаивал, что нужно проводить конгресс в Москве, хотя, как я уже сказал, целый ряд членов исполкома этой Философской федерации настаивали на переносе конгресса в другую страну. Они опасались, как бы не было конфликтов. Я тогда полетел в Сеул по заданию Фролова с его напутствием отстаивать наши позиции. Одно заседание совета директоров было специально посвящено будущему конгрессу, и обсуждали мы это два или три часа. Многие люди настаивали на том, чтобы конгресс перенести в другую страну и на другое время. Я помню, как кто сказал: «Как можно проводить конгресс в Москве, когда Россия стоит накануне гражданской войны?» Я упорно настаивал на том, что все-таки конгресс нужно сделать. Мы обещали, что конгресс пройдет хорошо и так далее. И в конце концов мне удалось отстоять эту точку зрения. Совет директоров согласился, что конгресс можно и нужно через год проводить в Москве. И через год конгресс в Москве прошел. Было сложное время, не было поддержки со стороны властей. Поэтому вступительный взнос пришлось повысить, и не все из наших философов могли принять участие, тем не менее иностранцев было довольно много. Приехали на конгресс известные люди, в частности, Поль Рикёр, я с ним вместе участвовал в круглом столе.

Е.Т.: Конгресс успел пройти до событий 93-го года?

В.Л.: Да, это было в августе, а эти события были в октябре (в самом деле их можно квалифицировать как некий вариант гражданской войны). Но уже в это время развивались напряженные отношения между Верховным Советом России и президентом Ельциным, которые в октябре того года привели к известным событиям. Несмотря на напряженную обстановку в стране конгресс в целом прошел успешно. Горбачёв пришел на открытие и выступил с приветствием. Горбачёва западные участники приветствовали с большим удовольствием. Были интересные доклады. Из наших философов на пленарном собрании выступили Стёпин, я, Фролов открыл конгресс большой речью. Мотрошилова и Гайденок тоже выступили, правда, не на пленарном заседании, а на коллоквиуме, но это равносильно пленарному докладу. Хорошо работали круглые столы. Это, конечно, заслуга Ивана Тимофеевича Фролова, но, как видно, и я какую-то лепту внес в то, чтобы конгресс стал возможным. Я пятнадцать лет был членом исполкома этой федерации. Это была большая школа, многих людей интересных узнал.

В 1990-м меня избрали членом исполкома Международного общества по культурно-исторической теории деятельности. Это общество объединяет психологов, педагогов и философов разных стран мира. Психологов там больше всего, поклонников идей Выготского. В разных странах мира такое количество последователей Выготского, вы этого не представляете. Это общество регулярно каждые три года проводит международные конгрессы. И вот там я тоже вел работу, выступал с докладами на многих из этих

конгрессов, узнал массу интересных людей из разных стран мира.

В 1995 году я попал в Питтсбургский университет как приглашенный исследователь Центра философии и истории науки. Я туда попал по совету моих некоторых американских знакомых. Я подал заявку в этот центр, ее они приняли, я мог работать там в течение двух семестров, то есть год, однако больше четырех месяцев я не смог там находиться, потому что меня сразу вызвали в журнал: «Куда ты уехал? У нас масса проблем, которые без тебя не решаются?» Поэтому получилось так, что в начале сентября я приехал в Питтсбург, а в начале декабря вернулся в Москву. Но все равно это тоже было полезно. Там интересная публика работает. В этом центре и на философском факультете университета работают многие известные философы, логики, я с ними общался. Особенно тесные контакты у меня завязались с Адольфом Грюнбаумом и Николасом Решером. Я участвовал в обсуждениях, а в центре еженедельно обсуждались доклады, сам сделал доклад, который был хорошо принят.

Меня и Стёпина в 2001 году избрали членами Международного института философии. Есть такой Международный институт философии с центром в Париже. Туда выбирают таких философов из разных стран, которых считают достойными быть членами этого института (между прочим, во время выборов новых членов каждый раз один из пяти кандидатов не проходит тайное голосование). Я стал регулярно ездить на конференции этого института, заседания, в течение трех лет был ассессором, участвовал и участвую в работе одной из комиссий. Институт собирается на заседания ежегодно в разных странах. Я сделал три доклада на конференциях института: в 2002 в Тарту, в 2010 в Париже и третий в Москве в 2011 году. Я узнал новых людей, завязал знакомства, важные и для нашего журнала. Могу сказать, что для наших западных коллег публикация в «Вопросах философии» — большая честь. «Вопросы философии» котируются очень высоко в мире, и вы, наверное, знаете, что из всех российских философских журналов это единственный, публикация в котором попадает в Web of Science.

О преподавательской деятельности

Е.Т.: У вас еще была преподавательская деятельность.

В.Л.: Да, я об этом еще не сказал. Как только возник ГУГН — Государственный университет гуманитарных наук при Академии наук...

Е.Т.: Это в 90-е годы.

В.Л.: Это было году в 98-м. Я стал профессором философского факультета этого университета и заведующим кафедры эпистемологии и логики. Читал лекции. Сначала я читал философию шесть часов в неделю.

Е.Т.: Эпистемологию...

В.Л.: Да, эпистемологию. Я все один делал. И лекции читал, и семинарские занятия вел, программу курса по эпистемологии разработал, которая даже была удостоена премии Сороса. Ряд студентов под моим руководством писали курсовые, затем дипломные работы, в частности вы, а потом стали даже сотрудником нашего сектора и моим заместителем. Вот такой ГУГН. Вот его большая роль в нашей философии.

Е.Т.: Вообще институт достаточно существенно пополнялся и пополняется по сей день выпускниками ГУГНа.

В.Л.: Да. Это хорошо тем, что если сотрудники института преподают в ГУГНе, то они могут знать, какой студент что из себя представляет. Важно, когда в нашу аспирантуру люди не со стороны пришли, а прошли ГУГН и поэтому нам хорошо известны. Не так давно у нас в секторе было два аспиранта, которые пришли к нам не из ГУГН, а с философского факультета МГУ. Оба этих аспиранта оказались у меня. Так я с ними намучился. Сто раз пожалел о том, что мы их взяли, с ними очень тяжело оказалось.

Е.Т.: Из университета, да?

В.Л.: Да, из Московского университета. Один из них вообще не мог писать, его отчислили. А второй, правда, написал и защитил диссертацию, даже неплохую, но это получилось с моей большой помощью. А когда ты знаешь человека на протяжении четырех лет, когда он пишет у тебя курсовые работы, а затем диплом, ты ясно представляешь, что он может. У нас в институте некоторые сектора берут на работу людей, которых плохо знают или не знают вообще. Это всегда плохо кончается.

Е.Т.: Да, у меня как раз последний вопрос для завершения. Мы сейчас много говорим о философии в публичном пространстве. Такая тема. Какой вам кажется роль философии в нашей современной жизни? Как вы смотрите на перспективы ее существования в современном обществе, в России, прежде всего? Потому что действительно часто возникает проблема, что философию воспринимают как абстрактную, отвлеченную от жизни дисциплину, в которой люди сидят, думают себе что-то там, да и пусть сидят, думают. Она никак не нужна, никому никакой пользы не приносит, продать ее нельзя, денег на ней не заработать.

В.Л.: Если все расценивать с точки зрения продать и купить, то, конечно, может показаться, что философия никому не нужна. Не только философия, но и фундаментальная наука вообще. Например, чистая математика кому нужна? А классическая музыка? Не каждый пойдет в консерваторию слушать симфонию. Давайте все это закроем. То есть в культуре две трети вещей прямой прибыли не приносят. И вообще, вы знаете, есть такая проблема: как найти грань, отделяющую человека от нечеловека? Например, когда выкапывают остатки людей доисторических, ученым нужно определить, где покоятся останки обезьян, а где останки существ, которые были уже людьми, хотя и доисторическими. Есть разные способы такого рода определений. И вот один из них. Если вы нашли захоронение, где очевидно, что черепа не просто случайно оказались в одном месте, а специально в это место помещены, особенно, если рядом с костями есть какие-то украшения, то очевидно, что это человек покоится, потому что животные не хоронят умерших особей. А люди хоронят. Почему? Какой в этом смысл? Какая польза? Они что, какую-нибудь прибыль от таких захоронений имеют? Ясно, что никакой. То есть существуют в культуре, в обществе такие действия, которые кажутся бесполезными, никакой прямой пользы от них нет. На самом же деле эта польза есть, только она не меркантильна, она в том, что некоторые действия делают человека человеком тогда, когда сам он не только не извлекает для себя прямой материальной выгоды, но в материальном смысле даже многое теряет, а иногда теряет и жизнь, например, смерть во имя высоких ценностей. Люди стали хоронить своих умерших сородичей, когда появились представления о загробной жизни, а они связаны с появлением первых форм мировоззрения. А без последнего, без принятия системы ценностей и системы осмысления мира человек не существует. Он превращается в нелюдя. Если бы для него лишь материальная выгода была единственно значимой, он и стал бы нелюдем.

Е.Т.: Да, культура, в принципе, бесполезна.

В.Л.: Да, она бесполезна в примитивном смысле, если все измерять чисто меркантильно: выгодно продать и дешево купить. Но на самом деле человек жить без культуры не может. И самые главные конфликты в современном мире — это даже не экономические или политические, а конфликты, связанные с культурными ценностями. Между прочим, академик Некипелов, известный экономист, сказал по отношению к тому закону о реформе РАН, который сейчас предлагается: «Видно, что законопроект писали торгаши, которые ничего не знают, кроме купить и продать».

Е.Т.: К сожалению, это сейчас самая большая проблема...

Текст авторизован В.А. Лекторским.